

Василий Иванович Немирович- Данченко

Дело крови

(Очерки жизни и войны в Дагестане. Часть
#1)

Немирович-Данченко Василий Иванович — известный писатель, сын малоросса и армянки. Родился в 1848 г.; детство провел в походной обстановке в Дагестане и Грузии; учился в Александровском кадетском корпусе в Москве. В конце 1860-х и начале 1870-х годов жил на побережье Белого моря и Ледовитого океана, которое описал в ряде талантливых очерков, появившихся в «Отечественных Записках» и «Вестнике Европы» и вышедших затем отдельными изданиями («За Северным полярным кругом», «Беломоры и Соловки», «У океана», «Лапландия и лапландцы», «На просторе»). Из них особое внимание обратили на себя «Соловки», как заманчивое, крайне идеализированное изображение своеобразной религиозно-промышленной общины. Позже Немирович-Данченко, ведя жизнь туриста, издал целый ряд путевых очерков, посвященных как отдельным местностям России («Даль» — поездка по югу, «В гостях» — поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» — описание своеобразного быта Валаама,

«Кама и Урал»), так и иностранным государствам («По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др.). Во всех этих очерках он является увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов. Всего более способствовали известности Немировича-Данченко его хотя и не всегда точные, но колоритные корреспонденции, которые он посылал в «Новое Время» с театра войны

1877 — 78 годов (отд. изд. в переработанном виде, с восстановлением выброшенных военной цензурой мест, под заглавием «Год войны»). Очень читались также его часто смелообличительные корреспонденции из Маньчжурии в японскую войну 1904–1905 годов, печат. в «Русском Слове». Немирович-Данченко принимал личное участие в делах на Шипке и под Плевной, в зимнем переходе через Балканы и получил солдатский Георгиевский крест. Военные впечатления турецкой кампании дали Немировичу-Данченко материал для биографии Скобелева и для романов: «Гроза» (1880), «Плевна и Шипка» (1881), «Вперед» (1883). Эти романы, как и позднейшие романы и очерки: «Цари биржи» (1886), «Кулисы» (1886), «Монах» (1889), «Семья богатырей» (1890), «Под звон колоколов» (1896), «Волчья съть» (1897), «Братские могилы» (1907), «Бодрые, смелые, сильные. Из летописей освободительного движения» (1907), «Вечная память! Из летописей освободительного движения» (1907) и др. — отличаются интересной фабулой, блеском изложения, но пылкое воображение иногда приводит автора к рискованным эффектам и недостаточному правдоподобию. Гораздо выдержаннее в художественном отношении мелкие рассказы Немировича-Данченко из народного и военного быта, вышедшие отдельными сборниками: «Незаметные герои» (1889), «Святочные рассказы» (1890) и др.; они правдивы и задушевные. Его эффектные по фактуре стихотворения изданы отдельно в Санкт-Петербурге (1882 и 1902). Многие произведения Немировича-Данченко переведены на разные европейские языки. «Избранные стихотворения» Немировича-Данченко изданы московским комитетом грамотности (1895) для народного чтения. В 1911 г. товариществом «Просвещение» предпринято издание сочинений Немировича-Данченко (вышло 16 т.). Часть его сочинений дана в виде приложения к журналу

«Природы и Люди».

Василий Иванович многие годы путешествовал. В годы русско-турецкой, русско-японской и 1-й мировой войн работал военным корреспондентом. Награжден Георгиевским крестом за личное участие в боях под Плевной. Эмигрировал в 1921 году. Умер в Чехословакии.

**Василий Иванович
Немирович-Данченко
Месть**

Весело на другой день выступили лезгины в поход.

С такими джигитами, как Хаджи Ибраим и Хатхуа, нечего было бояться неудачи. Отдохнувшие за ночь лошади бодро ступали по крутизнам гор, перегородивших дорогу к русским. В угрюмой красоте и диком величии первозданные великаны сдвигались отовсюду, точно грозя раздавить смелых всадников, пробивавших путь по их трещинам. Свежестью, свободой, привольем веяло отовсюду. Часто слышался резкий и хищный крик, и большие, чёрные птицы, рассекая воздух, точно камни шлёпались в зелёные чащи айвовых деревьев. Скоро уже показались громадные дубы и величавые буки. Тёмные полосы орешника глушили их, благоухающие кисти цветов свешивались с мощных ветвей дикого каштанника, но над этим зелёным царством весеннего шелеста и птичьего гомона по-прежнему, плавая в лазури, сияли голые вершины скалистых гор. Со дна долин, когда над ними по узким карнизам поднимались лезгины, — курился туман. Клубы его медленно ползли вверх, цепляясь по скалам и кручам.

Издали туман этот принимал вид каких-то сказочных чудищ. Порою туман останавливался серою пеленою в полугоре, а над ним, точно мираж вставали полуразрушенные башни старых замков, круглые башни, облитые солнечным светом. Ещё красивее были они под луною. Бойница в бойницу сквозили. Из синей тьмы сияние месяца выхватывало и зубцы развалившейся стены, и словно изъеденные массы старинного храма с провалившимся куполом... Верхушки таких развалин все на свету, — их основание прячется во тьме. К вечеру второго дня тропинка, обогнув свободную от тумана вершину горы, убежала опять в туман... А там дальше — лишь бездны и кручи! Перед нашими всадниками на свету обрисовалась вся чёрная арка полуразрушившихся ворот... За ними весь в алом блеске горел закат, и руины ещё угрюмее на его огнистом фоне подымали тёмный силуэт. Когда кони въехали во двор, в камнях, заваливавших его, послышалось злое шуршание и шорох. Но отступать было некогда... Дальше ночью нельзя ехать, — карнизы над безднами узки, — едва можно поставить ногу — и зата-

нуты туманом. Надо было во что бы то ни стало остановиться здесь. Когда бивуак расположился, внутренность развалин была вся уже ярко освещена далеко ещё не полною луною. Позади — стены уходили во мрак, и только бойницы сквозили, точно в этой тьме были свои просветы, узкие, как лезвие ножа.

Так хорошо, так хорошо, что сердце быстро, быстро бьётся в груди у Джансеида, и дух у него захватывает.

А ночь-то, какая ночь!

— Думает ли обо мне Селтанет? — вспомнил Джансеид и приподнялся на локте.

Около послышался вздох.

— Ты не спишь, Селим? — спросил шёпотом молодой человек.

— Нет... О своём ауле думаю... Теперь Аслан-Коз убрала баранов в закуту... намолола ячменя к завтраму и погасила огонь в очаге.

И оба опять замолчали. Вид развалины, дышащее небо, словно мигающие звёзды, стреноженные кони, их фыркание и удары копыт о камень, долго ещё мерещились Джансеиду, пока он не утонул в счастливом, безза-

ботном сне, увидев в последнюю минуту облитую лунным сиянием круглую башню старого замка. Селим заснул не так скоро. Он сам стал про себя тихо, тихо напевать горскую песенку:

*«Ветерок сорвал у розы
Лёгкий лепесток...
Закружил его в ущелье
И понёс в поток.
Воды бешено клубятся
По пути у скал,
И обрывок бедной розы,
Закружась, пропал.
Далеко, внизу, на камень
Выброшен волной,
Умер он, благоухая,
Ночью под луной».*

Но тут Селим вдруг вздрогнул... Прямо перед ним в ярком, облитом луною пространстве показалась чья-то чёрная голова... Суеверный, как все горцы, он помянул Аллаха и прочёл молитву от оборотня. Голова пропала. Ему пришло в голову, что это так почудилось, может быть... Но вот опять она... большая, странная... крадёт... растёт... Селим сжал руку Джансеиду... Тот разом поднялся, но в тот

именно момент, когда голова припала к камням...

— Тише! — остановил его Селим, — ляг! Посмотри в ворота.

Джансеид взглянул и заметил как раз поднявшуюся над камнями папаху.

— Ты видишь? — шептал ему Селим. — Это из дидойцев, должно быть.

— Нет, у дидойцев на папахах шерсть чёрная и подлиннее.

— Неужели казикумух?

— Или он, или из елисуйцев... Погоди, что он делать будет, — а сам тихо, тихо вытащил из-за пояса пистолет, взвёл курок, попробовал, на месте ли огниво, лёжа присыпал пороху... и замер...

Голова в папaxe приближалась... вот и всё тело видно...

— Елисуец и есть! Чёрная душа!.. Что он задумал ещё?

— Сейчас увидим.

В это время лунный луч упал прямо на подползавшего, и Селим почувствовал, как у него сильно до боли забилося сердце.

В зубах у предполагаемого елисуйца был

кинжал... Приподнявшись на ладонях рук, он оглядел всё становье джигитов, зорко рассмотрел, и Джансеид на его лице заметил улыбку торжества и злобной радости. Елисуец теперь нашёл то, что ему было надо, и пополз прямо к тому месту, где спал кабардинский князь, закрывшись буркой и подложив седло под голову. Но, очевидно, хищник рассчитывал без Джансеида. Молодой лезгин привык подползать к джейранам и горным козлам так, что они его не замечали. Он обернулся живо лицом к земле и, казалось, не двигая ни руками, ни ногами, змеёй потянулся за елисуйцем. Если бы последний взглянул назад, он бы заметил, что голова Джансеида находится у его пояса... но он так был поглощён делом, что даже камень, выскользнувший из-под рук молодого салтинца, не испугал его. Лунный свет, очевидно, беспокоил спавшего князя, и он натянул на лицо себе башлык, так что тот покрывал его до усов. Елисуец был уже около... Неслышно опираясь на левый локоть, он взял кинжал изо рта, быстро занёс его над грудью Хатхуа, но в то же мгновение почувствовал свою руку точно

В железных тисках.

— Неверно задумал! — заметил Джансеид, — ты, друг, у меня не спросился.

Елисуец обернул к нему бледное от ужаса лицо, но Джансеид в это время схватил его за горло и так сжал, что тот только забился и захрипел в его руках. Сон горцев очень чуток. В одну минуту князь был уже на ногах и другие тоже.

— Что случилось? Джансеид, что здесь такое?

— А то, господин, что эта змея хотела тебя ужалить... Хорошо, что Селим заметил его издали и меня разбудил. Я во время придавил ей жало...

И он ещё сильнее сжал тому горло... Елисуец побагровел, ещё секунда и он задохнулся бы.

— Постой, Джансеид. Благодарю тебя... Отпусти его, всё равно он не убежит отсюда.

Джансеид разнял руку и поднялся, не теряя из виду ни одного движения пленника.

Князь наклонился и пристально всмотрелся ему в лицо.

— Не в добрый час ты встретил меня, Кур-

бан-Ага, — строго проговорил он. — Не в добрый час! Аллах ещё не хочет моей смерти. Разве ты забыл, что по адату. — канлы приостанавливается во время гаавата? У нас с тобой старые счёты, Курбан-Ага... Если бы я со скалы не бросился в Самур и не переплыл его, быть бы мне теперь в Метехском замке[1]. Ты ведь Асланбека тоже выдал. Ну, что же, значит, так было в книге написано, чтобы сегодня ты попался мне.

Курбан-Ага стоял, уже глядя в землю. При последних словах князя, он быстрее молнии выхватил из-за его пояса пистолет, но сейчас же был сражён страшным ударом в голову. Джансеид и тут подкараулил его. Хатхуа засмеялся.

— Не везёт тебе, Курбан-Ага. Не везёт... Ты всё забываешь, что около — мои кунаки. Ещё раз ты спас мне жизнь, Джансеид. Сочтёмся, за мною не пропадёт... я добро помню и зла не забываю, — сверкнул он на елисейца. — Ночь ещё длинна... спать надо. Судить его мы будем завтра.

— Курбан-Ага, ты всегда был храбрым человеком, — тихо обратился к нему

Хатхуа, — с тобою, — улыбнулся он, — приятно иметь дело, потому что ты не боишься смерти. Поклянись на Коране, что до утра ты не будешь искать моей гибели, что ты не сделаешь попытки бежать, и я не прикажу тебя связывать, как барана под ножом.

Елисуец молчал.

— Помни, Ага, твой род благороден, верёвка обесчестит тебя.

Кровь кинулась в лицо пленнику.

— Хатхуа! Завтра рассудит нас Бог, а сегодня я дам тебе клятву.

Коран оказался у Хаджи Ибраима. Он подал его кабардинскому князю. Курбан-Ага положил правую руку на священную книгу и, подымая глаза к небу, торжественно проговорил:

— «Да поразит меня Аллах проказой, да низвергнет он мою душу в ад, да проклянёт он потомков моих до седьмого колена, ежели я до завтра, пока взойдёт солнце, буду искать твоей смерти или думать о побеге!» — Довольно с тебя, Хатхуа?

— Да, ты свободен до завтра, Ага. Можешь остаться здесь между нами и спать в нашем

лагере, как товарищ или уходи отсюда, но когда взойдёт солнце, ты должен быть здесь.

Курбан-Ага выбрал себе место около и спокойно лёг.

1902

Примечания

1

Замок над Курюю в Тифлисе, где в сороковых годах содержали временно важнейших из горских пленников.

[^^^]